

© 2020. Л. Ф. Луцевич
Варшавский университет
г. Варшава, Польша

**«Признания мои не имеют никакой нравственной цели»
(«Моя исповедь» Н. М. Карамзина)**

В центре внимания автора статьи находится жанровое своеобразие произведения Н. М. Карамзина «Моя исповедь» (1802). Включив в название определение «исповедь», писатель акцентировал форму личного признания; используя подзаголовок «Письмо к издателю журнала», подчеркнул намеренную общедоступность текста. Пародийно подражая Руссо, Карамзин ведет повествование от 1-го лица некоего безнравственного эгоцентрика, позиционирующего себя «совершенно особенным человеком», который, пренебрегая моралью, цинично выдвинул на первый план безудержное своеволие. Герой, как вытекает из его исповеди, на протяжении жизни нарушал христианские заповеди, никогда ни в чем не раскаивался; его исповедальные признания не имеют «никакой нравственной цели»; они лишь средство циничного самоутверждения собственной необыкновенности. Единственное, что ему удалось создать, как вытекает из «исповеди» — это сотворить кумира из себя самого, стать неким идолом, который постоянно изыскивает поводы, чтобы потешить низменное самолюбие, тщеславие, гордыню. В образе самовлюбленного эгоиста Карамзин, пожалуй, впервые воплотил в художественном тексте исповедальность как ничем не ограниченную бесстыдную откровенность.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, «Моя исповедь», жанр, эгоцентризм, исповедальность, откровенность, цинизм.

Информация об авторе: Луцевич Людмила Фёдоровна, ORCID 0000-0002-6340-2598, доктор филологических наук, профессор, Варшавский университет, ул. Краковские предместья, 26/28, 00-927, Варшава, Польша

E-mail: l.lutevici@uw.edu.pl

Дата поступления: 22.04.2020

Дата публикации: 17.06.2020

Для цитирования: Луцевич Л. Ф. «Признания мои не имеют никакой нравственной цели» («Моя исповедь» Н. М. Карамзина) // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 46–65. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-46-65

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2020. **Lyudmila F. Lutsevich**
University of Warsaw
Warsaw, Poland

“My confessions have no moral purpose” (“My Confession” by Nikolay Karamzin)

The author of the article focuses on the genre originality of the work “My Confession” by Nikolay Karamzin (1802). Having included the definition of “confession” in the title, the writer emphasised the form of personal recognition; using the subtitle “A letter to an editor of a journal”, he emphasised the intentional public availability of the text. Nikolay Karamzin, mockingly imitating Jean-Jacques Rousseau, narrates in the first person as some immoral egocentric who positions itself as a “completely special person” who, neglecting morality, cynically highlighted uncontrolled self-will. The hero, as follows from his confession, would violate Christian commandments throughout his life, has never repented for anything; his confessional confessions have “no moral purpose”; they are only a device of cynical self-assertion of own amazingness. The only thing he managed to create, as follows from the “confession”, was to create an idol from himself, to become a kind of idol who constantly seeks excuses to amuse base pride, vanity, selfishness. In the image of a narcissistic egoist, Nikolay Karamzin, perhaps for the first time, has embodied confession in a literary text as unlimited shameless frankness.

Keywords: Nikolay Karamzin, “My Confession”, genre, egocentric, confession, frankness, cynicism.

Information about the author: Lyudmila F. Lutsevich, ORCID 0000-0002-6340-2598, DSc in Philology, Professor, University of Warsaw, ul. Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927, Warszawa, Polska

E-mail: l.lutevici@uw.edu.pl

Received: April 22, 2020

Published: June 17, 2020

For citation: Lutsevich L. F. “My confessions have no moral purpose” (“My Confession” by Nikolay Karamzin) // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 2, pp. 46–65. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-46-65

<...> самое гнусное, самое ужасное чудовище: эгоизм... Вот истинный враг общества и всех его учреждений! Он беспрестанно старается разрушить то добро, которого могли бы ожидать люди от единодушия в своих благодетельных намерениях [Б. а.: 24].

<...> в противность всем исповедникам, наперед сказываю, что признания мои не имеют никакой нравственной цели [Карамзин: 729].

<...> я доволен своим положением и, видя во всем действие необходимой судьбы, ни одной минуты в жизни моей не омрачил горестным раскаянием [Карамзин, 1964: 739].

В самом начале XIX столетия Н. М. Карамзин (1766–1826) публикует, по существу, первую русскую *повесть* «Моя исповедь» (1802), в названии которой содержится ее жанровое определение¹. В ней, на наш взгляд, получило выражение проницательное предвидение Карамзиным такой значимой тенденции, как исповедальность, существенно повлиявшей на развитие всей русской литературы XIX в. Именно в исповедальном слове актуализируются наиболее существенные вопросы бытия: это вопросы жизни и смерти, судьбы, свободы, необходимости, добра и зла, любви и творчества, др.² Проблематика исповедального слова, как

---

¹ XVIII в. знает две автобиографические исповеди: «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (1790–1792) Дениса Фонвизина, «Чистосердечная исповедь» (1774) императрицы Екатерины II. См. об этом подробнее [Луцевич 2019: 20–43].

² Рассматривая процесс становления и развития идеи исповеди в русском и европейском духовном опыте, М. С. Уваров, подчеркивает: «Тема исповеди относится к одной из самых потаенных областей человеческой культуры», она выражает «узловые моменты становления европейской культуры <...> становится уникальной формой человеческого самовыражения». См. подробнее: [Уваров: 5, 9].

правило, ничем не ограничена, как и сам человек с его мыслями, чувствами и устремлениями; следовательно, *исповедь* можно трактовать достаточно широко — «как Текст жизни» [Уваров: 37–38].

В популярных толковых словарях слово *исповедь* чаще всего определяется как «тайнство покаянья; устное признание грехов своих перед духовником. Искреннее и полное сознание, объяснение убеждений своих, помыслов и дел» [Даль: 54]; «откровенное признание», «покаяние в грехах» [Ожегов: 234]; «раскрытие верующим своих грехов» [Советский: 509]. В специальных литературоведческих словарях *исповедь в литературе* трактуется как «произведение, в котором повествование ведется от первого лица, причем рассказчик (сам автор или его герой) выпускает читателя в самые сокровенные глубины собственной духовной жизни, стремясь понять “конечные истины” о себе, своем поколении» [Ваховская: 320]; как откровенное признание героя-рассказчика в совершении безнравственных поступков, обращенное к читателям» [Волкова: 85]; кроме того, указывается на программную откровенность автобиографической исповеди, на стремление нарратора аналитически представить собственный внутренний мир [Głowiński: 581]; отмечается появление в эпоху романтизма жанра исповеди лирической (наряду с автобиографической) [Krassowski: 239]; констатируется связь исповеди как «разновидности лирич<еского> самовыражения» со своим первоначальным значением христианского таинства [Дьяченко: 228]¹ и соответственно «требование» от человека «полной искренности, стремления избавиться от грехов, раскаяния», а также наличие «дидактического оттенка» и возможность выступать в качестве «средства морального самоутверждения личности» [Песков, Турбин: 201]. В новейшем культурологическом словаре *исповедь* — это «жанр конфессионального общения (в нем воплощается одно из таинств христианства), обязательный для верующего христианина, который, по крайней мере дважды в год, должен *исповедоваться* перед причастием. По природе своей это жанр инфор-

---

¹ См. подробнее: «Исповедь. Так называемая видимая, обрядовая часть таинства покаяния, состоящая в том, что христианин перед своим духовником, как уполномоченным свидетелем Сына Божия, единого имеющего власть отпущать грехи, с сердечным сокрушением и решимостью впредь исправиться, рассказывает свои согрешения и содеянные неправды. Самая полная откровенность, искреннейшее сокрушение о содеянных прегрешениях с решимостью исправиться и надежда на Иисуса Христа — необходимые качества исповеди» [Дьяченко: 228].

мативный, специфику его составляет характер диктумного содержания: это события и факты, принадлежащие личной сфере автора (диктум автобиографичен). В то же время в нем сильно перформативное начало: он представляет собой *акт покаяния*, а в качестве его эффекта следует отпущение грехов (ответный перлокутив, авторство которого принадлежит духовнику, исповеднику)» [Шмелева: 229–230].

Современные исследователи, в поле зрения которых оказалась «Моя исповедь» (1802), как правило, указывают на художественные перспективы, намеченные этим текстом. Согласно наблюдениям А. Н. Кудреватых, «Карамзину удалось обозначить пути, которыми далее пойдут писатели XIX века, начиная с Лермонтова», показавшего «внутренний мир героя и глазами сторонних наблюдателей <...> и <...> изнутри» [Кудреватых 2015: 105]. В «Моей исповеди» исследовательница видит «первые зачатки той рефлексии, самоанализа, которые позже так блестяще будут представлены в гениальном романе Лермонтова», попытку «художественного осмысления сферы бессознательного» [Кудреватых 2015: 157], первый опыт создания рефлексирующего героя [Кудреватых 2016: 24–29]. Л. И. Сигида считает, что «Моя исповедь» содержала «генетическое ядро будущих героев русской литературы XIX в., в которых будут исследованы причины формирования безнравственности героя. Карамзин, осваивая, по сути, неизвестный русской литературе тип сознания, впервые попытался художественно исследовать сущность и причины появления беспринципного и безнравственного характера» [Сигида, 2004: 338]. В. И. Глухов обнаруживает в повести «основы нового стиля русской романной прозы» [Глухов: 50], сформировавшиеся впоследствии в творчестве Ф. М. Достоевского. Т. А. Алпатова выявляет «механизмы» иронического повествования и соотносит с «Моей исповедью» общие перспективы формирования и развития русской классической литературы [Алпатова 2012: 443]. Даже эти кратко представленные черты и свойства текста свидетельствуют и о его новаторском характере и о существенной весомости в дальнейшем развитии русской литературы, поэтому имеет смысл немного задержаться на первой русской художественной исповеди.

Дав повести название «Моя исповедь»¹, автор таким образом непосредственно акцентирует форму личного *откровенного признания*,

---

¹ См. подробнее о повести: [Канунова: 286–290; Лотман, 1992: 40–99; Кочеткова, 1984: 71–99; Gorbatov; Кочеткова, 1994: 250–251; Кудреватых, 2015: 99–115; Гончарова, 2018: 37–56].

а включив показательный подзаголовок «Письмо к издателю журнала», подчеркивает намеренную *открытость*, публичность текста. Эти свойства распространились в европейской литературе нового времени благодаря той исповедальности, откровенности и даже намеренной эпатажности в изображении внутренней жизни личности, которые пронизывают прозу Ж.-Ж. Руссо. В русском литературоведении неоднократно высказывалась мысль о глубоком интересе Карамзина к творчеству Руссо¹, наиболее ярко выразившемуся в «Письмах русского путешественника» [Алпатов 2013: 9–21]. Там Карамзин признает Руссо величайшим из писателей восемнадцатого века, пишет о восторге, который он испытал от одного лишь созерцания тех «прекрасных мест, в которых бессмертный Руссо поселил <...> романтических любовников» «Новой Элоизы» [Карамзин 1987: 149], вспоминает о «неописуемом удовольствии», с которым он читал «Confession», где «так живо изображается душа и сердце Руссо» [Карамзин 1987: 152]. Правда, это восторженное отношение к Руссо через некоторое время несколько поугасло, а затем и переменилось. Мало кто из исследователей обращал внимание на изменение карамзинских оценок французского автора. И только Ю. М. Лотман, изучая эволюцию мировоззрения Карамзина, констатирует появление критических ноток в адрес знаменитого просветителя еще в начале 1790-х гг. Ученый на материале журнальной публицистики проследил возросшую динамику карамзинского критицизма в новом столетии, когда русский писатель все чаще и резче полемизирует на страницах своих периодических изданий с идеями «женевского гражданина». Уже на страницах «Аглаи» в 1793 г., как показывает ученый, Карамзин начинает отгораживаться «от демократических воззрений Руссо» [Лотман 2006: 760], а в «Вестнике Европы» в начале XIX в. и вовсе «соскальзывает» на позиции философского идеализма с его культом авторской личности. В результате скрупулезного самопознания писатель приходит к пессимистическому выводу о том, что человеческой натурой управляет эгоизм, являющийся истинным врагом общества. Само же общество мыслится теперь Карамзиным, — поясняет Ю. М. Лотман, — «как сумма беспорядочно борющихся эгоистов. Человек “считает себя единственным и отдельным от других существом”», он готов «пожертвовать целым миром удовлетворению

---

¹ См. подробнее: [Златопольская, 2005: 7–54; Зорин, 1996: 56–63; Краснощекова: 3–21; Живов: 114–140; Прокудин: 213–231].

своей любимой склонности”» [Лотман 2006: 773]. Вопреки Руссо, видевшему добро в природе человека, а зло — в социальной несправедливости, Карамзин делает акцент на присущих человеку от рождения злых наклонностях, природа которых определена однозначно — эгоизм¹. В русле аналогичных размышлений, как кажется, создавалась и «Моя исповедь». Ю. М. Лотман прав, когда пишет, что в основе этой повести лежит «идея врожденно злой природы человека» [Лотман 2006: 774]. Стоит упомянуть и о наблюдении О. М. Гончаровой, которая вслед за А. Зориным [Зорин 2001: 167–168] обратила внимание на то, что в начале XIX в. развернулись дискуссии о характере и содержании русской культуры, ее корнях, оригинальности, подражательности, проблемах исторического развития, национального своеобразия. В контексте этих обсуждений всплыла негативная оценка Руссо по поводу русских, которые, якобы «никогда не станут истинно цивилизованными»². В 1802 г. Карамзин, возможно, реагируя и на этот провокационный пассаж, публикует статью «О любви к отечеству и народной гордости»³, где «оспорены тезисы Руссо» [Гончарова 2019: 134]. Можно предположить, что актуализация на тот момент негативной оценки Руссо дополнительно спровоцировала «новый взгляд» Карамзина на «душу и сердце» французского писателя, выразившиеся в его знамени-

---

¹ См.: «Для Руссо добродетель гражданина имеет источник в доброте естественного человека. Для Карамзина же, в противоположность Руссо, человек зол» [Златопольская: 18].

² См. подробнее далее: «Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было еще приучать к трудностям этого. Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских. Он помешал своим подданным стать когда-нибудь тем, чем они могли бы стать, убедив их, что они были тем, чем они не являются. Так наставник-француз воспитывает своего питомца, чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством» [Руссо 1998: 235].

³ Впервые опубликовано: «Вестник Европы». 1802. № 4. Ч. I. С. 56–69.

той «Исповеди», и инспирировала создание сатирической повести¹, в центре которой находится окарикатуренная фигура безнравственного эгоцентрика.

Пародийно подражая Руссо, автор ведет повествование от 1-го лица некоего графа NN, перешагнувшего 40-летний жизненный рубеж и позиционирующего себя «совершенно особенным человеком» [Карамзин 1964: 730]. В свое время французский писатель провозгласил: *Exister, pour nous — c'est sentir!* (Существовать для нас — чувствовать!) и написал «Исповедь» (1766–1769), шокирующую современников своей откровенностью. В мире тогда впервые прозвучал призыв стать личностью. Развитие идеи свободной личности (если свобода понимается как отказ от всего традиционного в том числе и от моральных христианских ценностей) достигло крайности. Казалось, что каждый человек может иметь свою систему ценностей, более того, он сам решает, нужны ли ему духовные, культурные и вообще какие-либо ценности. Один из героев Руссо заявляет: «Мне нужно только посоветоваться с самим собою о том, что я хочу делать: все, что я чувствую как добро, есть добро, все, что я чувствую как зло, есть зло...» [Руссо 1912: 280]. На первый план выдвигается самоценность внутренних процессов и оценок. Эта же субъективистская установка определяет слова и действия героя Карамзина: «Я намерен говорить о себе: вздумал и пишу — свою исповедь, не думая, приятна ли будет она для читателей» [Карамзин 1964: 729]. Клаус Штедтке утверждает, что «Мою исповедь» «можно считать метатекстом, в котором обнажается прием литературного самоизображения и обесцениваются все благородные мотивы авторского самописания» [Штедтке: 143–151].

Гипертрофированно разросшееся «эго», культивирующее цинизм как в убеждениях, так и в поступках, определяет содержание «Моей исповеди» графа NN. При этом свою беззастенчивую откровенность герой обосновывает модной тенденцией, распространившейся в мире и в литературе: «Нынешний век можно назвать веком *откровенности* в физическом и нравственном смысле. <...> Мы хотим жить, действовать и мыслить в прозрачном стекле. <...> Ныне всякий сочинитель романа спешит как можно скорее свой образ мыслей о важных и неважных предметах сообщить. Сверх того, сколько выходит книг под титулом «Мои опыты», «Тайный журнал моего сердца»! Что за перо,

---

¹ Впервые опубликовано: «Вестник Европы». 1802. № 6. Ч. II. С. 147–167.

то и за искреннее признание. Как скоро нет в человеке старомодного варварского стыда, то всего легче быть автором исповеди. Тут не надобно ломать головы; надобно только вспомнить проказы свои, и книга готова» [Карамзин 1964: 729]. Из «Моей исповеди» очевидно, что граф NN — герой нового времени, не имеет «старомодного варварского стыда», этические мотивы и оценки как бы намеренно удалены из его самосознания. Он — эгоист по природе и по воспитанию («избалованный родителями барчук» [Купреянова: 73], «жертва родительского равнодушия» [Орлов: 226]), может действовать, руководствуясь лишь собственными интересами, безудержно стремясь к наслаждению и славе. «Моя исповедь», считает Ф. З. Канунова, «единственная сатирическая повесть Карамзина, направленная против безответственного дворянского воспитания, в результате которого попираются элементарные нравственные нормы» [Канунова: 287].

Герой повести, достигнув 16 лет, отправился в сопровождении гофмейстера-наставника, «модного» женева Менделя, в Германию для получения образования. Гофмейстер (нем. Hofmeister — воспитатель, домашний учитель в богатых семьях), уяснив свойства характера и положение своего подопечного, а также собственные «выгоды», обращаясь к юному графу, изначально предельно ясно обозначил позиции сторон: «Мы едем в Лейпцигский университет; родители твои, следуя обыкновению, желают, чтобы ты украсил разум свой знаниями, и поручили тебя моему смотрению; будь спокоен! Я родился в республике и ненавижу тиранство! Надеюсь только, что моя снисходительность заслужит со временем твою признательность» [Карамзин 1964: 730–731]. Как видно, так называемый «наставник-воспитатель», прикрываясь цветистыми фразами, озабочен лишь своим гонораром. Именно его безнравственный цинизм обусловил и определил соответствующее поведение воспитанника.

«Приехав в Лейпциг, — отмечает повествователь, — мы спешили познакомиться со всеми славными профессорами — и нимфами. Гофмейстер мой имел великое уважение к первым и маленькую слабость к последним. Я взял его себе за образец — и мы одним давали обеды, другим — ужины. Часы лекций казались мне минутой, оттого что я любил дремать под кафедрою докторов, и не мог их послушаться, оттого что никогда не слушал. Между тем господин Мендель всякую неделю уведомлял моих родителей о великих успе-

хах дражайшего сына их и целые страницы наполнял именами наук, которым меня учили» [Карамзин 1964: 731]. Наставник становится в некотором роде поведенческой моделью, «образцом» для воспитанника, обладающего врожденной готовностью к роли лицемера. Ложь, цинизм, злонамеренность, прикрытые внешним усердием и притворным чистосердечием воспитателя, не просто усвоены, но и возведены в жизненный принцип молодым графом. О том, что ученик сравнивался в «мастерстве» с учителем свидетельствует такой «горестный» эпизод: когда г-н Мендель вздумал «приласкаться» к пассивности воспитанника, тот попросту столкнул наставника с лестницы, заставив «считать головою ступени» [Карамзин 1964: 732]. При этом Мендель счел графа просто «шалуном», а граф его — «недостойным имени гофмейстера» [Карамзин 1964: 732]. Заграничные путешествия, забавы, шалости, неконтролируемые причудливые поступки, экстравагантные выходки — все в совокупности сделало свое дело: юноша превратил эксцентричность поведения в стиль своей жизни. Вернувшись на Родину, он «зная выгоды человека, образованного в чужих землях, <...> спешил поразить умы соотечественников разными странностями [Батманова: 54–57] и с удовольствием видел себя «истинным законодателем столицы» [Карамзин 1964: 732–733]. Автохарактеристики графа: «славный ветреник», «шалун», «модный прелестник», «почтенный мот» «повеса», указывают на его основное «поле деятельности», где «главный предмет» — женщины. Опыт «философической» трактовки «нового слова» — *влюбленность*, привела графа к шутивому умозаключению: «с нею (влюбленностью — Л. Л.) молодые люди наипрекраснейшим образом занимают пустоту жизни» [Карамзин 1964: 733]. Он в совершенстве овладел «влюбленностью» — искусством нравиться, притворяться, обманывать простодушных, глупых, легковверных женщин и мастерски интриговать; он намеренно провоцирует унижительные, оскорбительные ситуации, которым нет оправдания. Его любовные увлечения остаются бесконечными попытками заполнить пустоту жизни. В результате граф перессорил многих приятельниц между собою, развел нескольких жен с мужьями, откровенно презирая их чувства и заботясь только о том, чтобы все его «соблазнительные истории» становились как можно быстрее достоянием публики, эпатировали окружающих и, таким образом, прославляли его эксцентричность. При этом герой

признается: «В голове моей не было никакой ясной идеи, а в сердце — никакого сильного чувства, кроме скуки. Весь свет казался мне беспорядочною игрою китайских теней, все правила — уздою слабых умов, все должности — несносным принуждением» [Карамзин 1964: 732]. Это признание героя Карамзина указывает на его отличие от исповедального героя Руссо. Французский писатель отверг рациональность и выдвинул на первый план чувство, чувствительность, сострадание. Карамзинский повествователь — человек «с холодной душой», без ясной идеи, без сильного чувства — апатичный, равнодушный, бесстрастный. Он именуется философом только потому, что «сносил все равнодушно» и «твердил любимое слово свое: “Китайские тени! Китайские тени!”» [Карамзин 1964: 736]. Для него окружающий мир подобен китайскому театру теней — своего рода игра, где он управляет судьбами людей, не вникая в их чувства, мысли, страдания. Придумывая для своих протагонистов сюжетные хитросплетения, изощренные, зачастую неожиданные ходы, он провоцирует всевозможные казусы, неприятности и беды. Предательство, подлость, беспринципность ради достижения личных, по сути своей совершенно эфемерных, целей никогда не останавливают его. Жена графа — Эмилия, которую он довел до трагической кончины, по его словам, «при смерти своей говорила мне такие вещи, от которых волосы мои стали бы дыбом, если бы, к несчастью, была во мне хотя искра совести; но я слушал холодно и заснул спокойно» [Карамзин 1964: 738–739]. В данной ситуации, как и в любых иных, герою важен только он сам, его мысли и желания; окружающие люди интересуют его или как возможность для доминирования, или как средство для выражения самовлюбленности. Безучастно и невозмутимо озирая свою жизнь, граф не отрекается от былого: «Если бы я мог вернуть прошедшее, то думаю, что повторил бы снова все дела свои: захотел бы опять укусить ногу папе, распутствовать в Париже, пить в Лондоне, играть любовные комедии на театре и в свете, промотать имение и увезти жену свою от второго мужа» [Карамзин 1964: 738]. Все повествование графа — глумливое, ироническое — намеренно демонстрирует полное пренебрежение к существующим ценностям (семья, дружба, уважение, любовь, сострадание) и презрение к существующим нормам поведения. Ни сожалений по поводу своих бесчестных поступков, ни чувства вины за последствия граф не ис-

пытывает: «ни одной минуты в жизни <...> не омрачил горестным раскаянием» [Карамзин 1964: 739].

Вместе с тем герой, как следует из заключительного фрагмента исповеди, прекрасно различает добро и зло. Он способен вполне трезво рассмотреть и оценить пройденный им жизненный путь глазами «другого», причем с гражданской позиции: «Правда, что некоторые люди смотрят на меня с презрением и говорят, что я остыл род свой, что знатная фамилия есть обязанность быть полезным человеком в государстве и добродетельным гражданином в отечестве» [Карамзин 1964: 738]. Карамзин, как считает Л. И. Сигида, таким образом «устанавливает причинные связи между общественной средой (светом) и человеком» [Сигида 1992: 173]. Изначально заявленный цинизм — принцип, с которым герой-повествователь не желает расставаться, проявляется в намеренном принижении и упрощении интерпретации собственных мотивов и норм поведения. Он видит, что «<...> многие из наших любезных соотечественников стараются подражать мне, живут без цели, женятся без любви, разводятся для забавы и разоряются для ужинов!» [Карамзин 1964: 739]. В данном контексте граф выступает уже не как «особенная» личность, а скорее, как одна из многих — типическая, обычная, обыденная. Да и жизненное положение его к моменту написания исповеди незавидное: потеряв семью, состояние, имя, он превратился в ростовщика. Но и в такой ситуации герой романтизирует себя, акцентируя свое «эго»: «Нет, нет! Я совершил свое предопределение и, подобно страннику, который, стоя на высоте, с удовольствием обнимает взором пройденные им места, радостно вспоминаю, что было со мною, и говорю себе: так я жил!» [Карамзин 1964: 738]. Концовка как бы выводит героя на уровень фаталистического мирозерцания с его всеобщей предопределенностью и невозможностью усилием воли что-то изменить в своей судьбе, но идея предопределения никак не связана с доктриной спасения.

Граф, как вытекает из его исповеди, нарушил многие христианские заповеди: он не почитал своих родителей, довел до смерти сначала мать, затем и жену, в угоду своим прихотям пустил по ветру собственное состояние и с удовольствием разорял других, постоянно лгал, прелюбодействовал, домогался чужих жен, и т. п. Его исповедальные признания «не имеют никакой нравственной цели», он не способен ни к «горестному раскаянию», ни тем более к преображению себя и вос-

становлению в себе человека духовного. Свою жизнь он посвятил разрушению. Единственное, что ему удалось создать, как то следует из его «исповеди» — это сотворить себе кумира из себя самого, стать неким идолом, который постоянно изыскивает самые низменные поводы, чтобы потешить самолюбие, тщеславие, гордыню. Т. А. Алпатова справедливо заметила: «слово карамзинского героя-повествователя становится своеобразной псевдоисповедью <...> существование его бессмысленно, он обретает в самом себе лишь своеволие и весь поглощён эмпирикой собственной жизни» [Алпатова 2012: 444]. Позиция самого Карамзина, по мнению О. М. Гончаровой, заключается в «аннигилировании мелочно-бытовых излиятий героя, не соответствующих истинному бытию и осуществлению подлинной человеческой личности» [Гончарова 2018: 51–52]. Думается, в замысле своем карамзинская «исповедь», действительно, изначально «призвана была дискредитировать руссоистское понимание внутренней ценности человеческого я. Провокативная откровенность Руссо, становясь главной интенцией героя повести, размывает границы правды и лжи, подлинной человечности и эгоистической претенциозности» [Гончарова 2019: 146].

* * *

Можно предположить, что содержание этой повести обусловлено в определенной степени и биографическим контекстом. В 1802 г. писатель пережил невосполнимую потерю: 4 апреля от послеродовой горячки умерла его жена — Елизавета Ивановна Протасова, с которой он был счастлив; любил ее, по признанию, «во сто раз более самого себя» [Погодин: 383]. Мучительным страданиям не было предела. Карамзин чувствовал себя, по признанию, «как сумасшедший», а между тем он должен был много работать: писать, переводить, подбирать материалы для нового журнала «Вестник Европы». Со стороны казалось, что в «трудах не приметно было влияние его горести» [Погодин: 383]. И только в письмах к брату писатель раскрывал истинное состояние своей души: «Уже более трех недель я тоскую и плачу <...> Остается в горести ожидать смерти, в надежде, что она соединит два сердца, которые обожали друг друга» [Погодин: 385]. Биографический контекст (мучительная болезнь любимой женщины, ее преждевременная смерть, состояние безысходного горя и отчаяния), обострив художническую восприимчивость писателя, составил поразительный контраст содержанию повести.

Карамзинская «Моя исповедь», несомненно, по-своему повлияла на становление и развитие русской исповеди. В XIX в. русские авторы — независимо от социальных, политических, философских, этических, эстетических и прочих установок; сентименталисты, романтики, реалисты, — обращаются к исповеди как в художественном, так и документально-автобиографическом творчестве¹. Ф. М. Достоевский констатирует: «Все осматриваются и обмеривают друг друга любопытными взглядами. Наступает какая-то всеобщая исповедь. Люди рассказываются, выписываются, анализируют самих же себя перед светом, часто с болью и муками. Тысячи новых точек зрения открываются уже таким людям, которые никогда и не подозревали иметь на что-нибудь свою точку зрения» [Достоевский: 24]. Исповедальность, как зафиксировал писатель, становится одной из важнейших тенденцией литературы XIX в. На первый план выдвинулись потребности личности в глубоком самопознании, желание «открыться» миру во всей своей человеческой «целокупности» и утвердить таким образом право на свое мнение через рефлексию, анализ и самооценку.

Список литературы

Алпатова Т. А. Проза Н. М. Карамзина: поэтика повествования. М.: МГОУ, 2012. 560 с.

Алпатова Т. А. Ж.-Ж. Руссо и руссоизм в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica 6. Łódź: UŁ, 2013. С. 9–21.

[Б. а.] Об учтивости и хорошем тоне: (Из фран. жур.) / [Пер. Н. М. Карамзина] // Вестник Европы. 1803. Ч. 9. № 9. С. 24–30.

Батманова К. И. «Странный человек» в повести Н. М. Карамзина «Моя исповедь» // Litteraterra. Материалы IV Международной конференции молодых ученых / ред. И. А. Семухина. Екатеринбург: Изд. Уральск. гос. пед. ун-та, 2015. С. 54–57.

Ваховская А. М. Исповедь // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. С. 320–321.

Волкова Т. Н. Исповедь // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / гл. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд. Кулагиной Intrada, 2008. С. 85–86.

Глухов В. И. «Моя исповедь» Карамзина в творческом сознании Достоевского // Карамзинский сборник. Национальные традиции и европеизм в русской культуре / отв. ред. С. М. Шаврыгин. Ульяновск: УлГПУ, 1999. С. 50–62.

¹ См. об этом подробнее: [Луцевич, 2012а.: 858–864; Луцевич, 2012b.: 19–30; Луцевич, 2018а: 157–167; Луцевич 2018b: 113–114].

Гончарова О. М. Философские и литературные контексты повести Н. М. Карамзина «Моя исповедь» // Культура и текст. 2018. № 2(33). С. 37–56.

Гончарова О. М. Карамзин и Руссо (о повести «Моя исповедь») // Slavica Tergestina. 2019 (II). Vol. 23. С. 130–150.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1979. Т. 2. 779 с.

Достоевский Ф. М. Петербургская летопись // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1988. Т. 2. 592 с.

Дьяченко Г. М. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М.: Изд. Московского Патриархата, 1993. 1120 с.

Живов В. М. Чувствительный национализм. Карамзин, Растопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 114–140.

Златопольская А. А. Идеи «женевского гражданина» и Россия. Полтора века воздействия и осмысления (1752–1917) // Ж.-Ж. Руссо. Pro et contra. Идеи Ж.-Ж. Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей / сост. А. А. Златопольская. СПб: Изд. РХГА, 2005. С. 7–54.

Зорин А. Л. Ж.-Ж. Руссо и национальная утопия «старших» архаистов // Новое литературное обозрение. 1996. № 20. С. 56–63.

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.

Канунова Ф. З. Эволюция сентиментализма Карамзина («Моя исповедь») // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию члена корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. М.; Л.: Наука, 1966. С. 286–290.

Карамзин Н. М. Моя исповедь. Письмо к издателю журнала // Карамзин Н. М. Избр. соч.: в 2 т. / подг. текста и примеч. П. Н. Беркова. М.; Л.: Худ. лит., 1964. Т. 1. С. 729–739.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 717 с.

Кочеткова Н. Д. «Исповедь» в русской литературе конца XVIII века // На путях к романтизму: сб. науч. трудов / отв. ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Наука, 1984. С. 71–99.

Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания) / отв. ред. А. М. Панченко. СПб.: Наука, 1994. 280 с.

Краснощечкова Е. А. Bildungroman на русской почве («Рыцарь нашего времени» Н. М. Карамзина) // Русская литература. 2002. № 1. С. 3–21.

Кудреватых А. Н. Эволюция психологизма в прозе Н. М. Карамзина: учебное пособие для студентов Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2015. 164 с.

Кудреватых А. Н. Рефлексирующий герой в «Моей Исповеди» Н. М. Карамзина // Литература как форма социальной и индивидуальной рефлексии: материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции словесников «Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе — Лейдермановские чтения». Екатеринбург, 1–2 апреля 2016 г. Екатеринбург: УрГПУ, 2016. С. 24–29.

Купреянова Е. Н. Русский роман первой половины XIX в. От sentimentalной повести к роману // История русского романа: в 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. I. С. 66–85.

Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века // Лотман Ю. М. Избр. ст.: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. II. С. 40–99.

Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789—1803) // Н. М. Карамзин: pro et contra / сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. СПб.: Изд.: РХГА, 2006. С. 749–787.

Луцевич Л. Ф. Разновидности русской писательской исповеди // Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet / Red. nauk. L. Szpilewicz. Warszawa: IR UW, 2012a. S. 858–864.

Луцевич Л. Ф. Писательская исповедь: к вопросу о типологии // Autobiografie pisarzy rosyjskich. Studia Rossica XXI / Red. nauk. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz. Warszawa: IR UW, 2012b. S. 19–30.

Луцевич Л. Ф. Русская авторская исповедь XIX в., w: Z Polskich Studiów Slawistycznych, seria 13, t. 1, Literaturoznawstwo. Kulturoznawstwo. Folklorystyka, Prace na XVI Międzynarodowy Kongres Slawistów w Belgradzie 2018 / Red. B. Zieliński. Poznań: Polska Akad. Nauk, 2018a. S. 157–167.

Луцевич Л. Ф. Исповедь как литературный жанр в России XIX века, в: XVI Međunarodni kongres slavista (Београд 20–27 VIII 2018). Тезе и Резимеи у два тома, т. 2: Књижевност, култура, фолклор. Питанья славистике / Red. B. Suvajđić, Београд 2018 б. С. 113–114.

Луцевич Л. Ф. Чистосердечные признания XVIII века // Текст и традиция: Альманах 7 / ред. Е. Водолазкин. СПб.: ИРЛИ РАН, Росток, 2019. С. 20–43.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. / ред. Н. Ю. Шведова. М.: Советская энциклопедия, 1972. 846 с.

Песков А. М., Турбин В. Н. Исповедь // Лермонтовская энциклопедия; гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энцикл., 1981. С. 201.

Орлов П. А. Русский сентиментализм. М.: Изд. МГУ, 1977. 270 с.

Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: в 2 ч. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1866. Ч. 1. 399 с.

Прокудин Б. А. И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой как продолжатели социально-политических идей Ж.-Ж. Руссо // Политическая наука. 2017. № 1 (21). С. 213–231.

Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / пер. с франц. М. А. Энгельгардта. СПб.: Тип. «Север», 1912. 489 с.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. А. Д. Хаютин. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 416 с.

Сигида Л. И. Эволюция жанра повести Н. М. Карамзина: дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 247 с.

Сигида Л. И. Об истоках разочарования и скепсиса героев Карамзина // XVIII век: искусство жить и жизнь искусства: [сб. науч. работ] / отв. ред. Н. Т. Пахарьян. М.: Экон-информ, 2004. С. 327–344.

Советский энциклопедический словарь / ул. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1987. 1600 с.

Уваров М. С. Архитектоника исповедального слова. СПб.: Алетейя, 1998. 245 с.

Шмелева Т. В. Исповедь // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / год ред. Л. Ю. Иванова и др. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 229–230.

Шмедтке К. Субъективность как фикция. Проблема авторского дискурса в “Письмах русского путешественника” Н. М. Карамзина // Логос. 2001. № 3. С. 143–151.

Głowiński M. Wyznania // Słownik terminów literackich / Red. J. Sławiński, M. Głowiński, T. Kostkiewiczowa. Wrocław: Ossolineum, 1988. S. 581.

Gorbatov I. Formation du Concept de Sentimentalisme Dans la Littérature Russe: l'Influence de J.J. Rousseau Sur l'oeuvre de N.M. Karamzine. New York, Bern, Frankfurt/M., Paris, 1991. 264 p.

Krassowski M. Wyznanie // Leksykon terminów literackich / Oprac. M. Krassowski. Warszawa: Twój Styl, 1996. S. 239.

References

Alpatova T. A. *Proza N. M. Karamzina: poetika povestvovanija* [Prose N. M. Karamzin: narrative poetics]. Moscow, MGOU Publ., 2012, 560 p. (In Russ.)

Alpatova T. A. *Zh.-Zh. Russo i russoizm v "Pis'mah russkogo puteshestvennika" H. M. Karamzina* [J.-J. Russo and Russoism in the “Letters of a Russian Traveler” by H. M. Karamzin]. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica 6. Łódź, UŁ, 2013, pp. 9–21. (In Russ.)

[B. a.] *Ob uchtivosti i horoshem tone: (Iz fran. zhur.), transl. by N. M. Karamzin*. [About courtesy and good manners] *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1803, vol. 9, № 9, pp. 24–30. (In Russ.)

Batmanova K. I. “Strannyj chelovek” v povesti N.M. Karamzina “Moja ispoved” [“A Strange Man” in the novel by N.M. Karamzin’s “My Confession”]. Litteraterra. Materialy IV Mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh, red. I. A. Semuhina. Ekaterinburg, Ural'sk. gos. ped. un-t Publ., 2015, pp. 54–57. (In Russ.)

Vahovskaja A. M. *Ispoved'* [Confession]. *Literaturnaja enciklopedija terminov i ponjatij* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts], gl. red. A. N. Nikoljukin. Moscow, Intelvak Publ., 2001, pp. 320–321. (In Russ.)

Volkova T. N. *Ispoved'* [Confession]. *Poetika: Slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij* [Poetics: Dictionary of relevant terms and concepts], gl. red. N. D. Tamarchenko. Moscow, Kulaginoy Intrada Publ., 2008, pp. 85–86. (In Russ.)

Gluhov V. I. “Moja ispoved” Karamzina v tvorcheskom soznanii Dostoevskogo [“My Confession” Karamzin in the creative mind of Dostoevsky]. *Karamzinskij sbornik. Nacional'nye tradicii i evropeizm v russkoj kul'ture* [Karamzinsky collection. National traditions and Europeanism in Russian culture], otv. red. S. M. Shavrygin. Ul'janovsk, UIGPU Publ., 1999, pp. 50–62. (In Russ.)

Goncharova O. M. *Filosofskie i literaturnye konteksty povesti N. M. Karamzina “Moja ispoved”* [Philosophical and literary contexts of the story N. M. Karamzin’s “My Confession”]. *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 2018, № 2 (33), pp. 37–56. (In Russ.)

Goncharova O. M. *Karamzin i Russo (o povesti “Moja ispoved”)* [Karamzin and Russo (about the story “My Confession”)]. *Slavica Tergestina*. Vol. 23, 2019 (II), pp. 130–150. (In Russ.)

Daľ V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v IV t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in IV vols.] Moscow, Rus. Jazyk Publ., 1979, T. II, 779 p. (In Russ.)

Dostoevskij F. M. *Peterburgskaja letopis'* [Petersburg annals]. Dostoevskij F. M. *Sobr. coh.: v 15 t.* [Collected works in 15 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, Vol. 2, 592 p. (In Russ.)

D'jachenko G. M. *Polnyj cerkovno-slavjanskij slovar' (s vneseniem v nego vazhnejshih drevnerusskikh slov i vyrazhenij)* [Complete Church Slavonic Dictionary (with the introduction of the most important Old Russian words and expressions)]. Moscow, Mosk. Patriarh. Publ., 1993, 1120 p. (In Russ.)

Zhivov V. M. *Chuvstvitel'nyj nacionalizm. Karamzin, Rastopchin, nacional'nyj suverenitet i poiski nacional'noj identichnosti* [Sensitive nationalism. Karamzin, Rastopchin, national sovereignty and the search for national identity]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 2008, № 91, pp. 114–140. (In Russ.)

Zlatopol'skaja A. A. *Idei "zhenevskogo grazhdanina" i Rossija. Poltora veka vozdejstvija i osmyslenija (1752–1917)* [Ideas of the "Geneva Citizen" and Russia. A century and a half of exposure and reflection (1752–1917)]. *Zh.-Zh. Russo. Pro et contra. Idei Zh.-Zh. Russo v vosprijatii i ocenke russkikh myslitelej i issledovatelej* [J.-J. Russo. Pro et contra. Ideas J.-J. Russo in the perception and appreciation of Russian thinkers and researchers], sost. A. A. Zlatopol'skaja. SPb., RHGA Publ, 2005, pp. 7–54. (In Russ.)

Zorin A. L. *Zh.-Zh. Russo i nacional'naja utopija "starshih" arhaistov* [Russo and the national utopia of the "senior" archaists]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1996, № 20, pp. 56–63. (In Russ.)

Zorin A. L. *Kormija dvuglavogo orla... Russkaja literatura i gosudarstvennaja ideologija v poslednej treti XVIII — pervoj treti XIX veka* [Feeding the double-headed eagle ... Russian literature and state ideology in the last third of the XVIII — the first third of the XIX century]. Moscow, NLO Publ., 2001, 416 p. (In Russ.)

Kanunova F. Z. *Evoljucija sentimentalizma Karamzina ("Moja ispoved'")* [The evolution of sentimentalism of Karamzin ("My Confession")]. *Roľ i značenie literatury XVIII veka v istorii russkoj kul'tury*. [The role and significance of 18th century literature in the history of Russian culture], k 70-letiju chlena korrespondenta AN SSSR P. N. Berkova. [XVIII vek. Sb. 7]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 286–290. (In Russ.)

Karamzin N. M. *Moja ispoved'. Pis'mo k izdatelju zhurnala* [My confession. Letter to the magazine publisher]. *Karamzin N. M. Izbr. coh.: v 2 t.* [Selected works in 2 vols.], podg. teksta i primech. P. N. Berkova. Moscow; Leningrad, Khud. lit. Publ., 1964, Vol. 1, pp. 729–739. (In Russ.)

Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters from a Russian traveler], izd. podgot. Ju. M. Lotman, N. A. Marchenko, B. A. Uspenskij. Leningrad, Nauka Publ., 1987, 717 p. (In Russ.)

Kochetkova N. D. *"Ispoved'" v russkoj literature konca XVIII veka* ["Confession" in Russian literature of the end of the XVIII century]. *Na putjah k romantizmu* [On the paths to romanticism], sb. nauch. Trudov, otv. red. F. Ja. Prijma. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 71–99. (In Russ.)

Kochetkova N. D. *Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskie i hudozhestvennyje iskanija)* [Literature of Russian sentimentalism (Aesthetic and artistic searches)], otv. red. A. M. Panchenko. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, 280 p. (In Russ.)

Krasnoshheikova E. A. *Bildungroman na russkoj pochve* ("Rycar' nashego vremeni" N. M. Karamzina) [Bildungroman on Russian soil ("Knight of our time" N. M. Karamzin)]. Russkaja literature [Russian literature], 2002, № 1, pp. 3–21. (In Russ.)

Kudrevatyh A. N. Evoljucija psihologizma v proze N. M. Karamzina [The evolution of psychologism in the prose of N. M. Karamzin], uchebnoe posobie dlja studentov Instituta filologii, kul'turologi i mezhkul'turnoj kommunikacii. Jekaterinburg, UrGPU Publ., 2015, 164 p. (In Russ.)

Kudrevatyh A. N. *Refleksirujushhij geroj v "Moej Ispovedi" N. M. Karamzina* [The reflecting hero in My Confession N. M. Karamzin]. *Literatura kak forma social'noj i individual'noj refleksii* [Literature as a form of social and individual reflection], materialy HIIH Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii slovesnikov "Aktual'nye problemy izučeniya i prepodavanija literatury v vuze i shkole - Lejdermanovskie čtenija". Ekaterinburg: UrGPU Publ., 2016, pp. 24–29. (In Russ.)

Kuprejanova E. N. *Russkij roman pervoj poloviny XIX v. Ot sentimental'noj povesti k romanu* [Russian novel of the first half of the XIX century. From a sentimental novel to a novel]. *Istorija russkogo romana: v 2 t.* [History of the Russian novel: in 2 volumes] Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1962, Vol. 1, pp. 66–85. (In Russ.)

Lotman Ju. M. *Russo i russkaja kul'tura XVIII — nachala XIX veka* [Russo and Russian culture of the 18th — early 19th centuries]. Lotman Ju. M. Izbr. st.: v 3 t. [Selected articles in 3 vols]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, Vol. 2, pp. 40–99. (In Russ.)

Lotman Ju. M. *Evoljucija mirovozzrenija Karamzina (1789—1803)* [The evolution of the worldview of Karamzin (1789–1803)]. *N. M. Karamzin: pro et contra* [N. M. Karamzin: pro et contra], sost., vstup. st. L. A. Sapchenko. St. Petersburg, RHGA Publ., 2006, pp. 749–787. (In Russ.)

Lucevich L. F. *Raznovidnosti russkoj pisatel'skoj ispovedi* [Varieties of Russian Writing Confession]. Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet, red. L. Szypielewicz. Warszawa, IR UW Publ., 2012a, pp. 858–864. (In Russ.)

Lucevich L. F. *Pisatel'skaja ispoved': k voprosu o tipologii* [Writing Confession: On the Question of Typology]. Autobiografie pisarzy rosyjskich. *Studia Rossica XXI*, red. nauk. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz. Warszawa: IR UW Publ., 2012b, pp. 19–30. (In Russ.)

Lucevich L. F. *Russkaja avtorskaja ispoved' XIX v.* [Russian author's confession of the XIX century]. *Z Polskich Studiów Slawistycznych, seria 13, t. 1. Literaturoznawstwo. Kulturoznawstwo. Folklorystyka, prace na XVI Międzynarodowy Kongres Slawistów w Belgradzie 2018*, red. B. Zieliński. Poznań, Polska Akad. Nauk Publ., 2018a, pp. 157–167. (In Russ.)

Lucevich L. F. *Ispoved' kak literaturnyj zhanr v Rossii XIX veka* [Confession as a literary genre in Russia of the 19th century]. XVI Međunarodni kongres slavista (Beograd 20-27 VIII 2018). *Teze i Rezime i u dva toma, t. 2: Kn'izhevnost, kultura, folklor. Pitan'ja slavistike*, red. B. Suvajdžić, Beograd, 2018b., pp. 113–114. (In Russ.)

Lucevich L. F. *Chistoserdechnye priznanija XVIII veka* [Sincere Confessions of the 18th Century]. *Tekst i tradicija* [Text and Tradition], al'manah 7, red. E. Vodolazkin. St. Petersburg, IRLI RAN Publ., 2019, pp. 20–43. (In Russ.)

Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language], red. N. Ju. Shvedova. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1972, 846 p. (In Russ.)

Orlov P. A. *Russkij sentimentalism* [Russian sentimentalism]. Moscow, MGU Publ., 1977, 270 p. (In Russ.)

Peskov A. M., Turbin V. N. *Ispoved'* [Confession]. *Lermontovskaja enciklopedija* [Lermontov Encyclopedia], gl. red. V. A. Manujlov. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1981, pp. 201. (In Russ.)

Pogodin M. P. *Nikolaj Mihajlovich Karamzin, po ego sochinenijam, pis'mam i otzyvam sovremennikov: v 2 ch.* [Nikolai Mikhailovich Karamzin, in his writings, letters and reviews of his contemporaries: in 2 parts]. Moscow, tip. A. I. Mamontova, 1866, P. 1, 399 p. (In Russ.)

Prokudin B. A. I. S. *Turgenev i L. N. Tolstoj kak prodolzhateli social'no-politicheskikh idej Zh.-Zh.* Russo [I. S. Turgenev and L. N. Tolstoy as continuers of socio-political ideas J.-J. Russo]. *Politicheskaja Nauka* [Political Science], 2017, № 1(21), pp. 213–231. (In Russ.)

Russo Zh.-Zh. *Emil', ili O vospitanii* [Emil, or On Education], per. s franc. M. A. Engel'gardta. St. Petersburg, Sever Publ., 1912, 489 p. (In Russ.)

Russo Zh.-Zh. *Ob obshhestvennom dogovore. Traktaty* [On the social contract. Treatises]. Moscow, KANON-press Publ., Kuchkovo pole Publ., 1998, 416 p. (In Russ.)

Sigida L. I. *Evoljucija zhanra povesti N. M. Karamzina* [The evolution of the novel genre N. M. Karamzin], dis... kand. filol. nauk. Moscow, 1992, 247 p. (In Russ.)

Sigida L. I. *Ob istokah razocharovanija i skepsisa geroev Karamzina* [On the origins of frustration and skepticism of the heroes of Karamzin]. *XVIII vek: iskusstvo zhit' i zhizn' iskusstva* [XVIII century: The art of living and the life of art.]. Moscow, Ekon-inform Publ., 2004, pp. 327–344. (In Russ.)

Sovetskij enciklopedicheskij slovar' [Soviet Encyclopedic Dictionary] ed by A. M. Prohorov. Moscow, Sovetsk. encikl. Publ., 1987, 1600 p. (In Russ.)

Uvarov M. S. *Arhitektonika ispovedal'nogo slova* [Architectonics of confessional word]. St. Petersburg, Aletejja Publ, 1998, 245 p. (In Russ.)

Shmeleva T. V. *Ispoved'* [Confession]. *Kul'tura russoj rechi. Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik* [Culture of Russian Speech. Encyclopedic Dictionary], ed by L. Ju. Ivanova and ect. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2003, pp. 229–230. (In Russ.)

Shtedtke K. *Subjektivnost' kak fikcija. Problema avtorskogo diskursa v "Pis'mah russkogo putesthestvennika" N. M. Karamzina* [Subjectivity as a fiction. The problem of copyright discourse in "Letters of a Russian Traveler" by N. M. Karamzin]. *Logos*, 2001 (29), № 3, pp. 143–151. (In Russ.)

Głowiński M. *Wyznania. Słownik terminów literackich*, red. J. Sławiński, M. Głowiński, T. Kostkiewiczowa [Confessions. Dictionary of Literary Terms, ed by J. Sławiński, M. Głowiński, T. Kostkiewiczowa]. Wrocław, Ossolineum, 1988, 581 p. (In Pol.)

Gorbatov I. *Formation du Concept de Sentimentalisme Dans la Littérature Russe: l'Influence de J.J. Rousseau Sur l'oeuvre de N.M. Karamzine* [Formation of the Concept of Sentimentalism In Russian Literature: The Influence of J. J. Rousseau On the Work of N. M. Karamzine]. New York, Bern, Frankfurt/M., Paris, 1991, 264 p. (In French)

Krassowski M. *Wyznanie. Leksykon terminów literackich* [Confession. Lexicon of literary terms, ed]. Warszawa, Twój Styl, 1996, 239 p. (In Pol.)